

Графический бестселлер

THE ELECTRIC STATE

simon stålenhag

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШТАТ

саймон столенхаг



Москва
2019

*Заставили встать на рельсы
И дорого заплатить
За то, что смеялись в лицо им
И делали что хотим.
Пустоглазые души,
Пыльные сердца,
Крадущие наши жизни,
Высосав их до конца,
Но не впитав.*

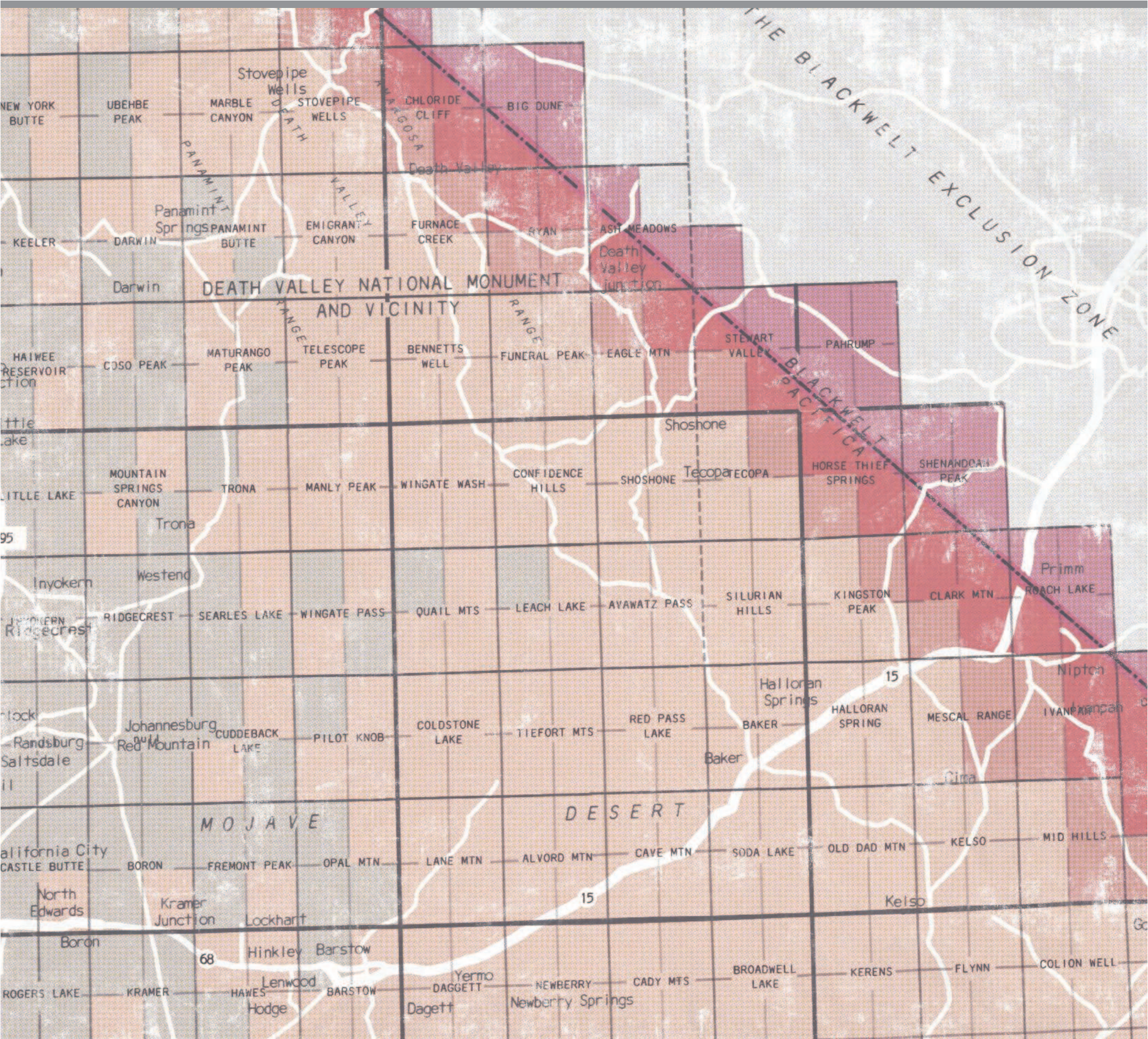
*Полюби мой новый путь.
Иду, куда велит мне разум.*

*Вытри слезы, подружка,
Гляди вперед, а не вниз.
Будь в стороне от гонки,
Зачем тебе нужен их приз?*

Из песни «Love my Way»,
альбом «Forever Now» группы «The Psychedelic Furs», 1982

Войну вели и выиграли пилоты дронов — мужчины и женщины, сидящие на постах управления вдали от полей сражений, где семь долгих лет противостояли друг другу в стратегической игре боевые машины. Пилоты правительственных войск жили в симпатичных новеньких пригородах и могли по дороге с работы выбирать из тридцати сортов хлопьев. Технология дронов очень высоко ценилась, поскольку спасала от бессмысленной потери человеческих жизней.

Сопутствующий ущерб был двух видов: мирные жители, случайно попавшие на линию огня, и дети военных пилотов, которые, в угоду неведомым божествам оборонных технологий, все до единого рождались мертвыми.



ПУСТЫНЯ МОХАВЕ, ТИХООКЕАНИЯ, США
ВЕСНА 1997





Май — время пыли. Порывы ветра поднимаются и угасают в туманной дымке, принося огромные клокочущие массы серовато-коричневой пыли. Она ползет по земле, шушит в креозотовых кустах, вздымается волнами и постепенно оседает на поверхности.

Когда-то смотрителей маяков предупреждали — нельзя слишком долго слушать шум волн, иначе сойдешь с ума и начнешь слышать в нем голоса.

Словно в этом звуке таится секретный код, разгадав который ты неминуемо вызовешь из морской пучины демонов.

Я больше не слышала ветра. Плечи ныли от тяжелого ружья, ноги двигались автоматически, точно чужие. Мысли блуждали где-то далеко. Я вспоминала Теда, лежавшего под пляжным зонтиком в Зосте с большими разноцветными птицами в руках. Ему что-то снилось, он шевелил губами.

Нащупав языком во рту мягкий комок, я остановилась и выплюнула серый сгусток тягучей слюны. Слип подошел ближе. Я наступила на плевок, похожий на пушистую гусеницу, и хотела растереть по песку, но только скатала в длинную спагеттину. Слип посмотрел на меня.

— Обычная пыль, — сказала я.

Достала из рюкзака бутылку с водой, прополоскала рот и выплюнула. Надевая рюкзак, я заметила поодаль розовое пятнышко. Из песчаного холмика торчал кусочек тонкой ткани, развевавшийся на ветру, словно маленький розовый парашют. Я подошла и поддела его ногой. Это оказалась пара трусиков.









Розовые трусики сдуло ветром из открытого багажника на крыше черного «олдсмобилia». Улетевшую оттуда одежду разбросало по всей стоянке. Не считая толстого слоя пыли, машина — весьма недешевая — казалась вполне жизнеспособной: ни спущенных колес, ни разбитых фар, даже окна целы.

Ее владельцы — судя по всему, обеспеченная пожилая пара — покоились рядышком на песке. На заднем сиденье лежали две продолговатые картонные коробки и валялись пенопластовые шарики. В остальном в салоне царил идеальный порядок. Сразу было видно, что хозяева любили свою машину и заботились о ней. Надеюсь пополнить скудные запасы наличных, я обыскала их карманы. У женщины ничего не нашла, а в левом кармане мужчины обнаружили ключи от авто и сложенный конверт, в котором лежали карта города с пометками, десять долларов одной купюрой, две квитанции из Центра нейростимуляции и два разрешения на въезд в Канаду. Я села за руль, вставила ключ в замок зажигания и повернула. Раздалось тихое урчание, машина деликатно кашлянула и завелась. На панели управления возникли электронные символы, запиликали часы, дисплей под спидометром осветился зеленой надписью: «Добрый день!» Наклонившись вперед, я поцеловала рулевое колесо и поняла: если повезет, мы доедем на этой машине до самого Тихоокеанского побережья.

Уолтер, ты однажды спросил, зачем он им понадобился. Ну, в смысле, мальчик. Боюсь, любое объяснение, произнесенное вслух, покажется безумным. Такое объяснить невозможно.

Ты знаешь, как устроен мозг? Ты имеешь хотя бы отдаленное представление о том, что нам известно о работе мозга и сознания? Нам, людям? Я говорю не о каких-то новомодных фокусах, а всего лишь о сумме знаний, накопленных добросовестными учеными за триста с лишним лет сложных экспериментов и ревностной проверки теорий. О том, что мы поняли, влезая людям в голову, изучая человеческое поведение и проводя опыты, чтобы узнать истину и отделить ее от чепухи, которая не имеет под собой никаких оснований. О понимании мозга, результатом которого стали такие вещи, как нейронная война, нейрографическая сеть и Центры нейростимуляции. Много ли ты об этом знаешь?

Полагаю, ты все еще придерживаешься общепринятых взглядов двадцатого века. Твое «я» сидит где-то у тебя в голове, подобно пилоту в кабине самолета. Ты веришь, что оно представляет собой совокупность воспоминаний, чувств и всего, что заставляет тебя плакать, и что все это находится в мозге. Ведь было бы странно, находишь оно в сердце, которое, как тебя учили, всего лишь мышца. В то же время ты не можешь примириться с фактом, что все, являющееся тобой — мысли, опыт, знания, чувства и взгляды, — должно существовать внутри твоего черепа. Поэтому ты стараешься не заикливаться на этих вопросах, говоря себе: «все не так просто» и удовлетворяясь смутным изображением чего-то бесплотного и прозрачного, плавающего в неопределенной пустоте.

Наверное, ты даже не облакаешь это в словесную форму, однако мы оба знаем: ты имеешь в виду то, что раньше называли душой. Ты веришь в невидимый призрак.

